

ГЕОРГИ НИКОЛАИШВИЛИ против ГРУЗИИ (Giorgi Nikolaishvili v. Georgia)

13 Января 2009

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Вторая секция

ДЕЛО ГЕОРГИ НИКОЛАИШВИЛИ против ГРУЗИИ

(Жалоба № 37048/04)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Страсбург

13 января 2009 года

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ

13.04.2009

Текст решения может подвергнуться редакторской правке.

В деле Георги Николаишвили против Грузии

Европейский суд по правам человека (Вторая секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

Франсуаза Тулкенс, председатель,

Иренеу Кабрал Баретто,

Владими́ро Загребельски,

Дануте Йочиене,

Драголюб Попович,

Андрас Сайо,

Нона Цоцория, судьи,

и Салли Долле, секретарь секции Суда,

заседая за закрытыми дверями 9 декабря 2008 г., принял в указанный день следующее постановление.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было начато после подачи жалобы (№ 37048/04) против Грузии в соответствии со статьёй 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Конвенция) гражданином Грузии г-ном Георги Николаишвили (Заявитель) 24 сентября 2004 г.

2. Интересы Заявителя представляла г-жа Мака Гиошвили. Интересы грузинского правительства (Правительство) представлял уполномоченный представитель г-н Бесарион Бохашвили, сотрудник Министерства юстиции.

3. 12 сентября 2006 г. Суд принял решение сообщить Правительству о жалобах, поданных Заявителем по пунктам 1, 3 и 4 статьи 5 и статьи 8 Конвенции. В тот же день Суд принял решение о применении пункта 3 статьи 29 Конвенции, чтобы рассмотреть обстоятельства жалобы одновременно с её приемлемостью.

4. И Правительство, и Заявитель подали свои замечания 15 января и 12 апреля 2007 г. соответственно по вопросу приемлемости и существу жалобы (правило 54А Регламента Суда).

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

5. Заявитель родился в 1981 г. и проживает в Тбилиси.

A. Размещение фотографии Заявителя

6. 20 июня 2003 г. было возбуждено уголовное дело по факту убийства (дело об убийстве). 3 июля 2003 г. брату Заявителя и ещё одному человеку были предъявлены обвинения в совершении убийства, а также в незаконном приобретении, хранении и транспортировке огнестрельного оружия. 4 июля 2003 г. обвиняемые, скрывшиеся от правоохранительных органов, были объявлены в розыск.

7. В точно неустановленный день в июле 2003 г. фотографии четырех граждан (Заявителя, его брата, второго обвиняемого в убийстве и брата последнего) были размещены на досках разыскивавшихся лиц в полицейских участках района Тбилиси Ваке-Сабуртало, района Амбролаури (Западная Грузия) и на границе с Арменией. Названные по фамилиям, они были объявлены в розыск в связи с совершением убийства.

8. В ответ на запросы адвокатов Заявителя районный суд Ваке-Сабуртало в Тбилиси заявил 4 ноября 2003 г., что в период между маем и ноябрём 2003 г. в соответствующем журнале не было зарегистрировано никаких уголовно-процессуальных мер принудительного характера, принятых в отношении Заявителя. Позднее, уведомлением от 28 ноября 2003 г., отделение полиции Ваке-Сабуртало подтвердило адвокатам, что только брат Заявителя, обвинявшийся в совершении убийства и преступлениях, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия, был объявлен в розыск и что в отношении Заявителя такие меры не принимались.

9. 15 декабря 2003 г. адвокаты Заявителя обратились в МВД с требованием снять фотографии Заявителя с досок о розыске подозреваемых в отделениях полиции и наказать тех, кто незаконно поместил фото на них. В ответе от 30 декабря 2003 г. МВД повторно сообщило о том, что только брат Заявителя находится в розыске за совершение убийства и незаконный оборот огнестрельного оружия. Что касается самого Заявителя, то по причине его постоянных отказов от явки в прокуратуру района Ваке-Сабуртало, последняя «приняла оперативные меры по проведению его допроса в качестве свидетеля». Ответа на требование о снятии фотографии не последовало.

10. 28 января 2004 г. адвокаты Заявителя обратились в районный суд Ваке-Сабуртало с иском о возбуждении уголовного дела о клевете в связи с незаконным размещением фотографии Заявителя в отделениях полиции (дело о клевете). По статье 27 Уголовно-процессуального

кодекса (УПК), действовавшего в то время, клевета являлась преступлением только в отношении частных лиц, и в соответствии с пунктом 1 статьи 627 УПК только компетентный суд имел полномочия возбуждать уголовное дело на основании заявления пострадавшего.

11. Как следует из материалов дела, районный суд Ваке-Сабуртало принял решение вызвать Заявителя на слушание, мотивируя это необходимостью получить его устные показания. Вручить Заявителю повестку по его домашнему адресу не удалось, поскольку, как сообщили его родители, в течение последних восьми месяцев его местонахождение им не было известно.

12. В своём решении от 4 февраля 2004 г. районный суд Ваке-Сабуртало отказал в возбуждении дела о клевете. Суд указал на то, что преследование в порядке частного обвинения возможно либо на основании личного требования пострадавшего, либо по требованию его адвоката (пункт 1 статьи 627 УПК). Учитывая это обстоятельство, суд, признавая полномочия адвокатов Заявителя, указал на то, что заявление о клевете было подписано не Заявителем или его законным представителем, а директором Центра защиты прав человека, членами которого являлись эти адвокаты. Адвокаты ответили, что их клиент опасается лишиться свободы и поэтому не является в суд. Они устно воспроизвели содержание заявления с требованием о выявлении и наказании лиц, которые незаконно поместили фотографии Заявителя и тем самым создали видимость его причастности к убийству. Районный суд пришел к выводу, что в обстоятельствах дела не усматриваются признаки клеветы. Однако суд решил направить заявление и материалы дела в прокуратуру для проведения проверки, совершили ли государственные служащие какое-либо преступление, исполняя свои служебные обязанности.

13. Это решение от 4 февраля 2004 г. могло быть обжаловано в течение последующих четырнадцати дней. Однако, как следует из материалов дела, адвокаты Заявителя жалобу не подали.

14. 9 февраля 2004 г. в одной из общенациональных газет появилась статья с рассказом о разосланной фотографии. Вскоре после этого фотографии Заявителя в отделениях полиции были сняты.

15. В письме от 7 апреля 2004 г. районная прокуратура Ваке-Сабуртало сообщила адвокатам Заявителя о том, что в судебном решении от 4 февраля 2004 г. не содержалось никакого распоряжения о возбуждении уголовного дела ни по факту распространения клеветы, ни по факту совершения какого-либо иного противоправного деяния лицами, работающими в государственных органах, – в нём лишь содержалось указание «отреагировать» на пересылаемые материалы дела. Соответственно, 27 февраля 2004 г. в прокуратуре было принято решение направить дело в органы МВД для проведения расследования. К письму от 7 апреля 2004 г. не была приложена копия решения от 27 февраля 2004 г., и в нём Заявителю не сообщалось о процедуре обжалования, если бы таковая была необходима. Судя по материалам дела, органы МВД так и не поставили Заявителя в известность о каком-либо решении, принятом в отношении изменений в его деле (см. пункт 105 ниже).

16. В конце апреля 2004 г. Заявитель подал другое ходатайство в Генеральную прокуратуру (ГП) о возбуждении уголовного дела в отношении незаконного размещения его фотографии (второе уголовное дело). ГП передала это ходатайство в городскую прокуратуру Тбилиси с указанием «принять решение в соответствии с законом». Городская прокуратура переслала это указание в районную прокуратуру Ваке-Сабуртало. По свидетельству Заявителя, 24 мая 2004 г. он сделал запрос в прокуратуру о ходе расследования его второго уголовного дела, но ответа не получил. По мнению Правительства, однако, районная прокуратура Ваке-Сабуртало рассмотрела это заявление и приняла по нему решение (в точно не установленный день). В своих замечаниях Правительство не уточнило ни дату принятия этого решения, ни его содержание.

В. Уголовные разбирательства в отношении Заявителя

17. По свидетельству Заявителя, в ходе расследования по делу об убийстве власти постоянно угрожали его родителям тем, что они «схватят»^[1] его, если его скрывающиеся братья не сдадутся властям.

18. 30 марта 2004 г. Заявитель отреагировал на неоднократные требования властей дать показания в качестве свидетеля по делу об убийстве и добровольно явился в районную прокуратуру Ваке-Сабуртало. По прибытии и без проведения допроса в качестве свидетеля он был арестован по подозрению в незаконном приобретении, хранении и/или транспортировке огнестрельного оружия и боеприпасов. Совершение этих преступлений составляло часть дела об убийстве. Формально подозрение основывалось на нескольких доказательствах – на утверждениях трёх свидетелей, на результатах обыска и судебной экспертизы конфискованного оружия, полученных в июне и июле 2003 г. в ходе расследования дела об убийстве.

19. В тот же день районная прокуратура Ваке-Сабуртало выделила часть дела, касающуюся огнестрельного оружия, из дела об убийстве и оформила её как отдельное дело (дело об оружии). Впоследствии была проведена очная ставка между Заявителем (в присутствии его адвоката) и одним из свидетелей, чьи показания были получены в июне и июле 2003 г. (см. предыдущий пункт). В ходе очной ставки свидетель изменил в пользу Заявителя данные им ранее показания, сообщив, что только брат Заявителя был замешан в преступлении, связанном с оружием. Следователь пришёл к заключению, что во время очной ставки Заявитель и его адвокат оказали на свидетеля неправомерное «психологическое давление».

20. 31 марта 2004 г. следователь повторно допросил указанного свидетеля, на сей раз в отсутствие Заявителя и его адвоката. Этот свидетель отказался от изменённых показаний, которые он дал накануне, и подтвердил достоверность своих заявлений, сделанных в июне и июле 2003 г.

21. 1 апреля 2004 г. Заявителю было предъявлено обвинение в хранении и транспортировке огнестрельного оружия и боеприпасов. Это обвинение было основано на упомянутых выше показаниях, полученных в ходе расследования дела об убийстве (см. пункт 18 выше). Заявитель не признал своей вины. В тот же день прокурор потребовал возвращения Заявителя под стражу на три месяца.

22. Как следует из материалов дела, основным доводом прокурора в слушаниях по вопросу предварительного заключения было то, что освобождение Заявителя из-под стражи могло помешать незаконченному расследованию дела об убийстве, особенно учитывая то обстоятельство, что один из обвиняемых по этому делу, его брат, находился в розыске. По мнению Заявителя, оправдывать его предварительное заключение интересами дела об убийстве было незаконно, поскольку он был задержан исключительно по подозрению в совершении преступления, связанного с незаконным хранением и транспортировкой оружия. Он также подверг сомнению обоснованность этого подозрения. В качестве довода в пользу своего освобождения Заявитель сообщил, что за последние десять месяцев он не совершил ни единого действия, способного помешать расследованию, и что он добровольно явился на допрос в прокуратуру. Он также сослался на то, что его отец был серьёзно болен и нуждался в его внимании.

23. 2 апреля 2004 г. районный суд Ваке-Сабуртало вынес постановление о содержании Заявителя под стражей в течение трёх месяцев, начиная с 30 марта 2004 г. Постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу было оформлено на стандартном бланке, а большая часть мотивировки была впечатана предварительно. Судья от руки вписал ссылку на соответствующие показания свидетелей, имена представителей сторон в деле и квалификацию оспоренного преступления:

«Рассмотрев [в соответствии с требованиями процессуального права] обоснованность ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и заслушав прения сторон, я пришёл к выводу о том, что собранные доказательства – [ссылка на доказательства, полученные в июне и июле 2003 г. – см. п. 18 выше] – дают основания для подозрений в том, что Георги Николаишвили действительно совершил оспоренное преступление. Доказательства были получены в соответствии с правилами уголовного судопроизводства.

В ходе проведения ареста Георги Николаишвили и предъявления ему обвинений процессуальное законодательство не было нарушено.

Я полагаю, что ходатайство о заключении под стражу [ссылка на фамилию прокурора] является обоснованным и что существуют правовые основания удовлетворить его. Таким образом, учитывая, что обвиняемый Г. Николаишвили обвиняется в совершении менее серьёзного преступления, опасения, что в случае его освобождения из-под стражи он может помешать установлению истины или скрыться от следственных и судебных органов, имеют под собой основание...».

Затем в написанной от руки записке судья отказался рассматривать утверждения Заявителя о процессуальных нарушениях как не имевших отношения к квалификации оспоренного преступления.

24. В окончательном решении от 8 апреля 2004 г. Тбилисский областной суд утвердил постановление о заключении под стражу от 2 апреля 2004 г., аргументировав свою позицию следующим образом:

«...[Заявителю] было предъявлено обвинение в преступлении, классифицированном как преступление средней тяжести, которое влечёт за собой наказание до пяти лет лишения свободы. Оспоренное преступление, состоящее в незаконном приобретении, хранении и/или транспортировке огнестрельного оружия, может быть связано с делом об убийстве, расследование которого ещё не закончено. В таких условиях прекращение срока предварительного заключения и его замена мерой пресечения, не связанной с лишением свободы, может помешать установлению истины в этом деле. Если обвиняемый будет выпущен на свободу, то он может оказать влияние на свидетелей, продолжить свою преступную деятельность или скрыться от правоохранительных органов. Такие выводы можно сделать из неискреннего поведения обвиняемого.

Данное дело обнаруживает как формальные (процессуальные), так и фактические основания для применения предварительного заключения...».

25. Несколько раз в течение апреля и мая 2004 г. Заявитель обращался с просьбой о повторном проведении очной ставки с вышеупомянутым свидетелем обвинения (пункты 19 и 20 выше). Его ходатайства были отклонены как необоснованные, поскольку, с точки зрения властей, состоявшаяся ранее очная ставка была проведена в соответствии с процессуальными правилами, и новая очная ставка, скорее всего, приведёт к такому же результату – оказанию психологического давления на указанного свидетеля.

26. 30 июня 2004 г. истёк трёхмесячный период предварительного заключения без последующего его продления судом. 7 июля 2004 г., завершив расследование, прокурор передал дело в суд и направил туда обвинительный акт.

27. 24 января 2005 г. судья районного суда Ваке-Сабуртало, отказавшись от проведения устного слушания, вынес приговор *in camera* о признании Заявителя виновным и привлечении его к ответственности по пункту 1 статьи 417 УПК. Этот приговор, также как и ордер на арест от 2 апреля 2004 г., был оформлен на стандартном бланке с предварительно впечатанной мотивировкой. Судья дописал в незаполненных местах на бланке краткое изложение фактов, фамилию обвиняемого и определение оспоренного преступления.

28. Что касается мотивировки, то приговор от 24 января 2005 г. подтверждал в предварительно впечатанной фразе заключение Заявителя под стражу. Судья вписал определение меры пресечения от руки:

«Мера пресечения – содержание под стражей – была избрана верно».

29. Материалы дела не свидетельствуют о каком-либо дальнейшем изменении в данном уголовном деле.

II. Применимое национальное законодательство и документы Совета Европы

A. Уголовно-процессуальный кодекс (УПК), действовавший во время событий по данному делу

30. В статье 23 УПК во время происходивших событий говорилось следующее:

«Уголовное преследование может осуществляться в форме государственного, вспомогательного, частного/государственного или частного преследования (в публичном, вспомогательном, частно-публичном или частном порядке)».

31. В соответствии со статьёй 27 клеветы, в числе многих других преступлений, являлась деянием, подлежавшим преследованию в порядке частного обвинения, и уголовное разбирательство могло быть возбуждено судьёй только на основании заявления пострадавшего (см. также пункт 1 статьи 627 УПК и статью 148 УК, приведённую ниже).

32. В пункте 22 статьи 44 термин «законный представитель» определялся как «ближайший родственник, попечитель или опекун».

33. В тексте статей 93 и 94, определявших статус, права и обязанности свидетеля, не предусматривалось, что свидетель мог быть объявлен в розыск следственными органами. В пункте 1(г) статьи 95 говорилось, что свидетеля нельзя принуждать к даче показаний против близкого родственника.

34. В соответствии со статьями 94 (пункт 2), 174 (пункт1) и 175, чтобы принудить человека явиться в следственные органы для дачи показаний по уголовному делу, необходимо иметь соответствующее распоряжение суда, которое надлежит направить в полицию для исполнения в соответствии с пунктом 1 статьи 176. Однако если исполнение неосуществимо по причине *inter alia* невозможности установить местонахождение свидетеля, то роль офицера полиции, ответственного за исполнение, ограничивается письменной констатацией этого факта на бланке распоряжения и возвращением его в суд как «неисполненного».

35. В статье 151 было сказано следующее:

«1. Необходимо применять меру пресечения для гарантии того, что обвиняемый не сможет избежать расследования и суда, и что его преступная деятельность будет предотвращена, и что он

не сможет помешать установлению истины в данном уголовном деле или исполнению решения суда.

2. Применение меры пресечения оправдано, если доказательства, собранные в материалах дела, в достаточной степени подтверждают предположение о необходимости обеспечить выполнение задач, перечисленных в первом пункте этой статьи.

3. Основанием для применения предварительного заключения может быть разумное подозрение в том, что обвиняемый может скрыться или помешать установлению истины в конкретном уголовном деле, или если было совершено преступление средней тяжести или тяжкое преступление».

36. В пункте 3 статьи 159, касающейся задержания, говорилось:

«Взятие под стражу применяется только в отношении лица, обвиняемого в преступлении, наказание за совершение которого предполагает более двух лет лишения свободы...».

37. В статье 234 говорилось о возможности обжалования таких мер:

«Любое решение или действие дознавателя/отдела полиции, следователя/следственного органа, прокурора/прокуратуры или судьи/суда может быть обжаловано сторонами уголовного процесса или любыми другими третьими сторонами».

38. В соответствии с пунктом 1 статьи 236 такая жалоба в отношении любого действия или решения дознавателя, следователя или прокурора могла быть подана в течение всего периода предварительного следствия или расследования (т.е. до того, как уголовное дело будет направлено в компетентный суд для проведения слушания).

39. В пункте 2 статьи 410, касающейся обвинительного заключения, содержалось требование приобщать к нему всю документацию, относящуюся к задержанию. Перед утверждением обвинительного заключения прокурор должен был убедиться, помимо всего прочего, в правильности любой применённой ранее меры пресечения (статья 412). Материалы дела, наряду с обвинительным заключением, подлежали рассмотрению компетентным судом в течение 48 часов после утверждения прокурором (пункт 3 статьи 416).

40. В соответствии с пунктами 1, 2 и 3 статьи 417, если суд считал, что дело имеет серьёзное основание, обвиняемый должен был предстать перед судом после проведения слушания по вопросу приемлемости в конкретных обстоятельствах дела. На таком слушании суду предстояло принять решение о применении меры предварительного заключения в отношении обвиняемого.

41. После введения поправки 16 декабря 2005 г. статья 417 (пункт 2) сделала обязательным проведение слушания по вопросу о приемлемости при принятии решения о привлечении обвиняемого к суду в отношении всех видов уголовных дел. В статье 419 устанавливались временные рамки для передачи дела в суд:

«Судья (суд) принимает решение о целесообразности привлечения обвиняемого к суду в течение четырнадцати дней или, в сложных случаях, в течение месяца со дня принятия окончательного решения по последнему уголовному делу, зарегистрированному тем же судьёй (судом)».

42. Статья 627 (пункт 1) позволяла судье возбуждать уголовное дело после подачи заявления либо пострадавшим, либо его законным представителем. К тому же в соответствии со статьями 393 и 606 (1) в розыск могло быть объявлено только то лицо, которому были предъявлены обвинения и которое было признано виновным в совершении преступления, на основании официального решения следственных или судебных органов. В отношении свидетеля такая мера в кодексе не предусматривалась.

В. Уголовный кодекс

43. Статья 148 УК предусматривала в то время существенное наказание за клевету. Эта норма была изъята из УК 24 июня 2004 г.

С. Закон об оперативно-следственных мероприятиях от 30 апреля 1999 г.

44. Закон об оперативно-следственных мероприятиях в то время содержал следующие применимые к делу положения:

Статья 6 (2)

«Лицо, полагающее, что в результате оперативно-следственных мероприятий его права и свободы подверглись незаконным ограничениям, может обжаловать такие меры в вышестоящей инстанции, прокуратуре или суде».

Статья 8 (1с)

«Основанием для проведения оперативно-следственного мероприятия может быть...

с) официальное решение о том, что лицо, скрывающееся от следствия и суда или уклоняющееся от исполнения судебного предписания, находится в розыске».

С. Подготовительная работа по статье 5 Конвенции (10-20 июля 1967 г., Страсбург)

45. В ходе пленарного заседания первой сессии Консультативной ассамблеи Совета Европы (КАСЕ), проведённого 19 августа 1949 г., представители обсудили права и свободы, которые могут быть гарантированы Конвенцией:

«...Мы все были вынуждены подвергаться невероятным посягательствам на наши права, [такие как] утрата безопасности, произвольный арест...

Все имеют одинаковое право на жизнь, свободу и личную безопасность...

Прискорбным комментарием к нашему хвалёному прогрессу является то, что в нашем поколении приходится декларировать, что каждый имеет право на жизнь, свободу и личную безопасность... Всё это воспринималось как само собой разумеющееся... до тех пор пока софисты не сказали нам о том, что человек может получать удовольствие от превращения государства в божество, питающееся кровью, трудом, слезами и потом... И теперь мы должны заботиться о том, как сохранить собственные жизни и всё, чем мы являемся и что имеем, и защититься от ненасытных поборников тоталитаризма...».

46. В ходе пленарного заседания КАСЕ 7 сентября 1949 г. был представлен отчёт Комитета по юридическим и административным вопросам. Соответствующие выдержки из этого доклада гласят:

«Комитет составил перечень прав и свобод, которые должны быть защищены коллективной гарантией...

Правами и свободами, включёнными в этот список, являются: личная безопасность... свобода от произвольного ареста, задержания, ссылки и прочих мер...»

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции

47. Заявитель, ссылаясь на пункт 1 статьи 5 Конвенции, обжаловал обстоятельства своего ареста в районной прокуратуре Ваке-Сабуртало 30 марта 2004 г. Он утверждал, что период его

предварительного заключения с 30 июня 2004 г. по 24 января 2005 г. не имел законного основания. В соответствующей части положения, на которое он ссылался, говорится:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения...».

48. Правительство не представило каких-либо комментариев относительно жалобы заявителя об обстоятельствах, связанных с его арестом. Что касается предположительно незаконного периода содержания под стражей, Правительство утверждало, что его длительность соответствовала положениям УПК. 7 июля 2004 г., после завершения расследования, прокурор направил обвинительное заключение и материалы дела в компетентный суд в соответствии со статьёй 416 УПК. После этого суд провёл слушание дела Заявителя в соответствии со статьёй 419 УПК.

49. В ответ на это Заявитель возразил, что его арест 30 марта 2004 г. имел произвольный характер с точки зрения практики Суда по пункту 1 статьи 5 Конвенции. Его право на личную неприкосновенность было нарушено тем, что он был вызван в качестве свидетеля без указания на возможность предъявления ему уголовного обвинения. Он утверждал, что власти утаили от него своё намерение арестовать его и что это обстоятельство явилось злоупотреблением полномочиями с их стороны. В результате обманных действий властей и своего неожиданного ареста Заявитель был лишен возможности предпринять процессуальные действия, направленные на опровержение подозрений, выдвинутых против него.

Другим признаком произвола, по мнению Заявителя, явилось то, что уголовное дело против него, основанное на свидетельских показаниях, полученных ещё в июле 2003 г., было заведено только после его ареста 30 марта 2004 г. (см. пункт 18 выше).

50. Наконец, ссылаясь на аналогичный случай в деле Барановский против Польши (Baranowski v. Poland, № 28358/95, §§ 56-58, ЕСПЧ 2000-II), Заявитель еще раз повторил, что его содержание под стражей в период между 30 января 2004 г. и 24 января 2005 г., не имевшее основания в виде судебной санкции, было незаконным с точки зрения пункта 1 (с) статьи 5 Конвенции.

А. Приемлемость

51. Суд отмечает, что жалобы по пункту 1 статьи 5 Конвенции не являются явно необоснованными с точки зрения пункта 3 статьи 35 Конвенции. Нет и других оснований считать их неприемлемыми, и поэтому они должны быть объявлены приемлемыми.

В. Существо дела

1. Обстоятельства ареста Заявителя 30 марта 2004 г.

52. Суд напоминает о том, что выражение «свобода и личная неприкосновенность» в пункте 1 статьи 5 надо воспринимать как единое право и что, соответственно, «неприкосновенность» следует понимать в контексте «свободы». Соблюдение права на «неприкосновенность» подразумевает гарантию защиты личной свободы человека от произвольного вмешательства органа власти (см. Кемаль Гювен против Турции (*Kemal Güven v. Turkey*), (реш.), № 31847/96, 30 мая 2000 г.). Пункт о «неприкосновенности» напоминает национальным властям о необходимости соблюдения верховенства закона и других элементарных форм правовой защиты при принятии решения о лишении человека свободы (см. Курт против Турции (*Kurt v. Turkey*), постановление от 25 мая 1998 г., Отчёты о постановлениях и решениях 1998-III, §§ 122-123).

53. Суд полагает, что авторы Конвенции понимали «право на личную неприкосновенность» как нечто большее, чем просто обязательство предоставить правовую защиту физической свободы человека (см. пункты 45-46 выше). Последующее толкование пункта 1 статьи 5 Конвенции показало, что «объектом [вышеуказанного положения] является как физическая свобода отдельных людей, так и их личная неприкосновенность» (см. дело Курта, упомянутое выше, § 123). Опираясь на понятие «неприкосновенности», суд постановил, что от национальных властей, обладающих полномочиями лишать человека свободы, обычно ожидают добросовестных действий при принятии таких решений (см. Чонка против Бельгии (*Çonka v. Belgium*), № 51564/99, §§ 41 и 42, ЕСПЧ 2002-I; Бозано против Франции (*Bozano v. France*), постановление от 18 декабря 1986 г., серия А, № 111, § 55). Таким образом, намерение лишить человека физической свободы или как-либо повлиять на неё не должно, при нормальном ходе событий, утаиваться властями (см. также пункт 58 ниже). Человек должен иметь возможность, если будет необходимо, прибегнуть к доступным и законным средствам судебной защиты, нацеленным на противодействие властям и сохранение своей свободы (см. *mutatis mutandis* дело Бозано, упомянутое выше, §§ 59-60; Шамаев и другие против Грузии и России (*Shamayev and Others v. Georgia and Russia*), № 36378/02, § 380, ЕСПЧ 2005-III). Когда свобода человека оказывается под угрозой, первостепенное значение приобретает соблюдение общего принципа правовой определённости. Крайне важно, чтобы предусмотренное законом уголовное право, а также официальные решения и действия властей были бы доступны и недвусмысленны настолько, чтобы человек (получив, если понадобится, квалифицированную помощь) был в состоянии предвидеть (в разумных пределах) последствия, которые может повлечь за собой определённое действие (см. Гусинский против России (*Gusinskiy v. Russia*), № 70276/01, §§ 62 и 68, ЕСПЧ 2004 г.-IV; Ладан против Польши (*Ladent v. Poland*), № 11036/03, §§ 53 и 56, ЕСПЧ 2008-...; Кафка против Польши (*Kawka v. Poland*), № 25874/94, § 49, 9 января 2001 г.; Луканов против Болгарии (*Lukanov v.*

Bulgaria), постановление от 20 марта 1997 г., Отчёты 1997-II, § 44). Суд предположил, что арест при обстоятельствах, подрывающих принцип правовой определённости, может стать нарушением права на личную неприкосновенность (см. *mutatis mutandis* *Оджалан против Турции (Öcalan v. Turkey)*, (БП), № 46221/99, § 85, ЕСПЧ 2005-IV).

54. Касаясь обстоятельств настоящего дела, Суд считает, что, оценивая, насколько совместимы лишение свободы Заявителя с требованиями пункта 1 статьи 5 Конвенции (помимо рассмотрения соответствующих решений о задержании), следует также принимать во внимание обстоятельства его ареста 30 марта 2004 г.

55. Суд отмечает, что, согласно протоколу, власти никогда не сообщали о возможности возбуждения уголовного дела против Заявителя до его добровольной явки 30 марта 2004 г. в районную прокуратуру Ваке-Сабуртало. Заявитель явился на допрос в качестве свидетеля по делу об убийстве, в котором был замешан его брат. В связи с этим Суд замечает, что любое принуждение Заявителя к даче показаний против своего брата было явно несовместимо с пунктом 1(g) статьи 95 УПК, что однозначно освобождало первого от такого бремени (см. пункт 33 выше). В принципе, нельзя исключить, что подозрение в том, что Заявитель совершил преступление, связанное с оружием (что стало единственным формальным основанием его задержания), могло возникнуть как следствие утверждений, сделанных им во время допроса. Однако, учитывая соответствующие решения национальных властей, Суд отмечает, что подозрение, обвинение и причины задержания основывались на свидетельских показаниях, которые уже были получены в ходе расследования дела об убийстве в июне и июле 2003 г. (см. пункты 18, 21 и 23 выше). Суд также отмечает, что Правительство не представило никаких объяснений отсутствию прозрачности, во-первых, в отношении того, почему власти не возбудили дело «об оружии» в отношении Заявителя, как только у них появились соответствующие улики, и, во-вторых, в отношении того, почему возникла необходимость арестовывать его так срочно – в день его добровольного появления в качестве свидетеля (см. *Степуляк против Молдовы (Stepuleac v. Moldova)*, № 8207/06, § 76, 6 ноября 2007 г.).

56. В связи с этим Суд замечает, что не так давно было выявлено нарушение права на свободу и личную неприкосновенность на том основании, что арест был произведён в обстоятельствах, когда арестованный не был надлежащим образом уведомлён о возбуждённом против него уголовном деле, и где лишение этого лица свободы согласно пункту 1(с) статьи 5 Конвенции не соответствовало критерию необходимости, – эти два обстоятельства были расценены как признаки произвола со стороны национальных властей (см. дело *Ладана*, упомянутое выше, §§ 45 и 55-57). Обстоятельства ареста Заявителя в настоящем деле вызывают ещё большую тревогу. Таким образом, настаивая на том, что его сотрудничество в качестве свидетеля было необходимо для проведения расследования по делу об убийстве (см. пункты 8, 9 и 18 выше), власти тем самым ввели Заявителя в заблуждение относительно своего реального интереса, связанного с ним. Суд считает, что такие непрозрачные методы могут не только наносить вред правовой определённости и, следовательно, вызывать в людях, являющихся свидетелями, чувство личной незащищённости, но и подрывать общественное доверие и уважение к следственным органам.

57. Относительно мотивов ареста Заявителя Суд принимает во внимание утверждение Заявителя (не вызвавшее возражений у Государства-ответчика), что власти постоянно угрожали его

родителям тем, что «схватят» его, если его брат, находившийся в бегах и обвинявшийся в убийстве, не явится в полицию (см. пункт 17 выше). Это утверждение, по мнению Суда, приобретает достоверность при его оценке, учитывая причины, приведённые национальными властями в качестве оснований для содержания Заявителя под стражей до суда. Таким образом, ни следственные органы, ни судебные власти не отрицали тот факт, что задержание Заявителя преследовало цель обеспечить расследование уголовного дела его брата (см. пункты 22 и 24 выше). В таких обстоятельствах Суд делает вывод о том, что арест Заявителя, формально соответствуя национальному законодательству, тем не менее противоречил пункту 1 статьи 5 Конвенции, поскольку преследовал цель обеспечить дополнительный рычаг давления на не связанное с данным уголовное дело, т.е. выходил за рамки подпункта «с» пункта 1 вышеуказанного положения (см. *mutatis mutandis* дело Гусинского, упомянутое выше, §§ 74-77).

58. Суд не исключает законность определенных приемов, к которым прибегают национальные власти для достижения большей эффективности в борьбе с преступностью (см. дело Чонки, упомянутое выше, пункт 53). Однако не каждая уловка оправданна, особенно если она бросает тень на принципы правовой определённости. В конкретных обстоятельствах настоящего дела Суд считает, что вводящие в заблуждение методы властей – использование перспективы задержания для оказания психологического давления – свидетельствуют о том, что лишение Заявителя свободы не соответствует главной цели пункта 1 статьи 5 Конвенции, а именно защите отдельного человека от произвола (см. Бенхем против Соединенного Королевства (*Benham v. the United Kingdom*), постановление от 10 июня 1996 г., Отчёты 1996-III, стр. 752-753, § 43). Защита от произвола, по мнению Суда, предполагает обязательство ограждать Заявителя от незаконных посягательств на его свободу.

59. В свете вышеупомянутых соображений Суд делает вывод, что имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

2. Период задержания с 30 июня 2004 г. по 24 января 2005 г.

60. Суд замечает, что, после того как 30 июня 2004 г. срок действия постановления о задержании от 2 апреля 2004 г. истёк, предварительное заключение Заявителя утратило всякое правовое основание. Такое положение продлилось до 24 января 2005 г., когда национальный суд в соответствии с пунктом 3 статьи 417 УПК санкционировал его дальнейшее содержание под стражей.

61. По утверждению Правительства, после того как обвинение направило обвинительный акт и материалы дела в суд первой инстанции, правовым основанием для задержания Заявителя в период с 30 июня 2004 г. по 24 января 2005 г. являлись статьи 416 и 419 УПК (пункты 39 и 41 выше). Однако не оспаривается тот факт, что обвинительное заключение было подано в этот суд 7 июля 2004 г. (см. пункт 26 выше). Следовательно, вопрос о том, почему период задержания с 30

июня по 7 июля 2004 г. не был оформлен судебным решением, по-прежнему остаётся необъяснённым.

62. Что касается периода с 7 июля 2004 г. по 24 января 2005 г., Суд отмечает, что нарушение пункта 1 статьи 5 было обнаружено в ряде случаев, связанных с практикой содержания обвиняемых под стражей исключительно на том основании, что в суд первой инстанции было передано обвинительное заключение. Задержание подсудимых без определенной правовой основы или четких правил, регулирующих их положение, в результате чего они могут быть лишены свободы на неограниченный срок без судебного разрешения, несовместимо с принципами правовой определенности и защиты от произвола, которые имеют первостепенное значение для Конвенции и верховенства закона в целом (см. среди прочего Гиголашвили против Грузии (*Gigolashvili v. Georgia*), № 18145/05, §§ 32-36, 8 июля 2008 г.; Ечюс против Литвы (*Jėčius v. Lithuania*), № 34578/97, §§ 60-64, ЕСПЧ 2000-IX; Грауслис против Литвы (*Grauslys v. Lithuania*), № 36743/97, §§ 39-41, 10 октября 2000 г.; дело Барановского, упомянутое выше, §§ 53-58, ЕСПЧ 2000-III; Худоёров против России (*Khudoyorov v. Russia*), № 6847/02, §§ 146-147, ЕСПЧ 2005-X).

63. Суд отмечает, что настоящая жалоба ничем не отличается от упомянутого выше дела Гиголашвили из-за аналогичных недостатков в уголовно-процессуальном законодательстве Грузии в рассматриваемый период.

64. Следует подчеркнуть, что, в соответствии с пунктами 1 и 3 статьи 417 УПК (см. пункт 40 выше), после того как следственные органы закончат расследование и передадут уголовные материалы дела под юрисдикцию суда, последний может провести слушание по вопросу приемлемости и принять решение о предании обвиняемого суду и о необходимости избрания меры пресечения к данному человеку.

65. Однако возникает проблема с временными рамками проведения такого слушания. В соответствии со статьей 419 УПК (пункт 41 выше) слушание по вопросу приемлемости надлежало проводить в течение четырнадцати дней или, в «сложных делах», в течение одного месяца со дня вынесения окончательного решения по последнему, не связанному с данным, уголовному делу, которое рассматривалось тем же судьёй, но последний не имел никаких временных ограничений при принятии решения по этому «последнему» делу. В УПК, с одной стороны, не содержалось требования о том, что в этот промежуточный период должно быть вынесено судебное постановление о задержании подозреваемого, с другой стороны, не предусматривалась продолжительность этой фазы задержания. Такие нормативные пробелы приводили к практике удерживания обвиняемых безо всякого судебного решения на протяжении многих месяцев, как это случилось в настоящем деле (см. также Абсандзе против Грузии (*Absandze v. Georgia*), (реш.), № 57861/00, 20 июля 2004 г.; Рамишвили и Кохреидзе против Грузии (*Ramishvili and Kokhreidze v. Georgia*), (реш.), № 1704/06, 26 июня 2007 г.).

66. Отсюда следует, что с 30 июня 2004 г. по 24 января 2005 г., в течение шести месяцев и двадцати пяти дней, отсутствовало судебное решение, санкционировавшее задержание Заявителя. Правительство не смогло объяснить характер правового основания первых семи дней этого периода. К тому же тот факт, что уголовные материалы дела были отправлены (вместе с

обвинительным заключением) в суд первой инстанции, не придал «законности» оставшемуся периоду задержания с точки зрения пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. дело Гиголашвили, упомянутое выше, § 36; Нахманович против России (Nakhmanovich v. Russia), № 55669/00, § 68, 2 марта 2006 г.; дело Худоёрова, упомянутое выше, §§ 149 и 151).

67. Таким образом, имело место нарушение пункта 1 (с) статьи 5 Конвенции в отношении этого периода задержания.

II. Предполагаемое нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции

68. Заявитель обратился с жалобой на то, что судебные решения от 2 и 8 апреля 2004 г. и 24 января 2005 г., санкционировавшие его предварительное заключение, не были должным образом обоснованы. Он сослался на пункт 3 статьи 5 Конвенции, в которой сказано следующее:

«Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом "с" пункта 1 настоящей статьи... имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд».

69. Правительство в своих замечаниях по вопросу приемлемости и существу дела никак не прокомментировало этот пункт.

70. Заявитель, однако, утверждал, что национальные суды не усмотрели в его жалобах доводы в пользу освобождения и не привели никаких конкретных причин, почему существовала «опасность того, что он скроется от правосудия или помешает установлению истины». Он также отметил, что суды опирались на незаконченное расследование не связанного с этим дела об убийстве в качестве основания для его предварительного заключения. Далее Заявитель поставил под сомнение решение суда от 24 января 2005 г., которое автоматически утвердило продление срока его пребывания под стражей без тщательного изучения обстоятельств дела.

A. Приемлемость

71. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной с точки зрения пункта 3 статьи 35 Конвенции. Нет и других оснований считать её неприемлемой, поэтому она должна быть объявлена приемлемой.

B. Существо жалобы

72. Суд отмечает, что пребывание Заявителя под стражей было санкционировано судебными решениями от 2 и 8 апреля 2004 г. и 24 января 2005 г. Соответственно, чтобы установить, было ли его задержание разумно с точки зрения пункта 3 статьи 5 Конвенции, следует рассмотреть причины, указанные в этих решениях, а также доводы, приведённые Заявителем в его просьбах об освобождении (см., например, Галуашвили против Грузии (*Galushvili v. Georgia*), № 40008/04, §§ 46 и 48, 17 июля 2008 г.; Яблонский против Польши (*Jabłoński v. Poland*), № 33492/96, § 79, 21 декабря 2000 г.).

73. Суд сожалеет о том, что оспоренное постановление о взятии под стражу от 2 апреля 2004 г. было оформлено на стандартном бланке. Вместо того чтобы выполнить свой долг и представить убедительные причины задержания, национальный суд удовлетворился шаблонной формой бланка с заранее впечатанным текстом. Подобная практика говорит об отсутствии «особой тщательности» со стороны национального органа власти, что противоречит духу пункта 3 статьи 5 Конвенции (см. Пацурия против Грузии (*Patsuria v. Georgia*), № 30779/04, § 74, 6 ноября 2007 г.; G.K. против Польши (*G.K. v. Poland*), № 38816/97, § 84, 20 января 2004 г.).

74. Что касается решения апелляционного суда от 8 апреля 2004 г., оно зиждется на основании, которое Суд находит чуждым целям Конвенции. Апелляционный суд, помимо повторения довода, касавшегося суровости наказания, одобрил предварительное заключение Заявителя, сославшись на интересы расследования никак не связанного с настоящим уголовного дела в отношении брата Заявителя, которое ещё не завершилось к тому времени. Такая аргументация была не только несущественной при оценке разумности удержания Заявителя в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции, она также обходила стороной саму суть исключения в соответствии с пунктом 1(с) статьи 5 Конвенции. Что касается ссылки апелляционного суда на «неискренность» Заявителя, это было голословное утверждение, не подкреплённое конкретными обстоятельствами дела.

75. Оспоренные в первой и второй инстанциях судебные решения от 2 и 8 апреля 2004 г. касались первых трёх месяцев предварительного заключения Заявителя. Этот период представляется необоснованным, если его оценивать так, как того требует устоявшаяся практика Суда, а не отвлечённо, как это сделали национальные власти, сославшись на не имевшие отношения к делу незначительные, неубедительные и неосновательные причины (см., например, Михта против Польши (*Michta v. Poland*), № 13425/02, §§ 45 и 46, 4 мая 2006 г.). Суд напоминает, что право на досудебное освобождение из-под стражи закреплено в пункте 3 статьи 5 Конвенции независимо от длительности рассматриваемого заключения. Пункт 3 статьи 5 не санкционирует предварительное заключение безоговорочно, даже если оно относительно кратковременно (см. среди прочих источников Белчев против Болгарии (*Belchev v. Bulgaria*), № 39270/98, § 82, 8 апреля 2004 г.; дело Пацурии, упомянутое выше, § 66). Уже через три дня после принятия постановления о взятии Заявителя под стражу и его ареста национальные власти были обязаны убедительно доказать необходимость такой меры. Презумпция всегда выступает за освобождение (см. дело Пацурии, упомянутое выше, §§ 66-67; и Маккей против Соединенного Королевства (*McKay v. the United Kingdom*), (БП), № 543/03, § 41, ЕСПЧ 2006).

76. Что касается решения суда от 24 января 2005 г., оно, как и распоряжение о взятии под стражу от 2 апреля 2004 г., было оформлено на стандартном типовом бланке и содержало заранее впечатанную мотивировку абстрактного содержания. Продержав Заявителя под стражей десять

месяцев, шесть из которых не имели законного основания (см. пункт 66 выше), национальный суд в нарушение своих обязательств по установлению конкретных фактов, оправдывающих продление срока заключения (см. дело G.K., упомянутое выше, § 84), оставил Заявителя под стражей на основании абстрактной фразы «примененная мера пресечения была выбрана верно». Это явилось слишком широким ограничением прав Заявителя, закреплённых в пункте 3 статьи 5 Конвенции (см. дело Пацурии, упомянутое выше, § 74).

77. Можно предположить, что в настоящем деле могли быть конкретные существенные факты, способствовавшие лишению Заявителя свободы, но они не были отражены в соответствующих национальных решениях (см. *Лабита против Италии (Labita v. Italy)*, (БП), № 26772/95, § 152, ЕСПЧ 2000-IV). Задача Суда заключается не в том, чтобы подменять собою национальные власти и устанавливать такие факты вместо них (см. *Илийков против Болгарии (Ilijkov v. Bulgaria)*, № 33977/96, § 86, 26 июля 2001 г.; *Николов против Болгарии (Nikolov v. Bulgaria)*, № 38884/97, § 74, 30 января 2003 г.; и *Панченко против России (Panchenko v. Russia)*, № 45100/98, § 105, 8 февраля 2005 г.).

78. Наконец, Суд отмечает, что предварительное заключение Заявителя длилось около десяти месяцев (см. пункты 18, 28 и 29 выше). Такой длительный период показывает, что власти рассматривали это дело без особой тщательности, и этот фактор приобретает ещё большее значение при оценке совместимости предварительного заключения с пунктом 3 статьи 5 Конвенции (ср. с делами *Галуашвили*, §§ 50 и *Пацурии*, §§ 61 и 77, упомянутыми выше).

79. Принимая во внимание вышеизложенные соображения, Суд приходит к заключению, что, упустив из вида конкретные факты из дела Заявителя и не рассмотрев альтернативные досудебные меры, не связанные с лишением свободы, власти, воспользовавшись шаблонной формулой для изложения применимых норм Уголовно-процессуального кодекса (см. дело *Пацурии*, упомянутое выше, §§ 12, 14 и 15; *Явахишвили против Грузии (Javakhishvili v. Georgia)*, (реш.), № 42065/04, 2 октября 2007 г.), подвергли Заявителя предварительному заключению по причинам, которые нельзя рассматривать как «достаточные» или «существенные».

80. Соответственно, имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.

III. Предполагаемое нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции

81. Заявитель утверждал, что судебный пересмотр решения о его содержании под стражей был проведён 2 и 8 апреля 2004 г. и 24 января 2005 г. в нарушение процессуальных защитных механизмов пункта 4 статьи 5 Конвенции. Далее он заявил, что в национальном законодательстве не предусмотрен какой-либо механизм проведения регулярного пересмотра законности содержания под стражей. Положение Конвенции гласит:

«Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

82. Правительство не представило каких-либо комментариев по вопросам приемлемости и существа дела.

83. В своих замечаниях Заявитель утверждал, что, поскольку судебные решения от 2 и 8 апреля 2004 г. и 24 января 2005 г. не были обоснованы должным образом, соответствующие судебные пересмотры свелись к рутинным формальностям и не соответствовали стандартам, предписанным в пункте 4 статьи 5 Конвенции.

84. Заявитель сообщил, что судебный пересмотр 24 января 2005 г. нарушил принципы равенства сторон и состязательности процесса, поскольку был проведён без устного слушания. Кроме того, не было предложено никакой письменной процедуры в качестве альтернативы. Согласно национальному законодательству суд определил вопрос о передаче дела на судебное разбирательство, частью которого было продление срока содержания под стражей, основанное исключительно на утверждениях прокурора, без учёта ходатайств Заявителя.

А. Приемлемость

1. Отсутствие автоматической процедуры пересмотра задержания

85. Суд замечает, что соответствующие положения КПК, действовавшие в то время, были уже рассмотрены дважды и в обстоятельствах, сходных с обстоятельствами настоящего дела, были признаны совместимыми с пунктом 4 статьи 5 Конвенции, который требует регулярного пересмотра законности содержания под стражей (см. дело Пацурии, упомянутое выше, §§ 3-57; Галуашвили против Грузии (*Galuashvili v. Georgia*), (реш.), № 40008/04, 24 октября 2006 г.).

86. Как и в делах Пацурии и Галуашвили, Заявитель не смог уточнить, почему власти должны были провести пересмотр вопроса о его содержании под стражей по собственной инициативе. Он также не указал Суду на какие-либо важные факторы, которые могли бы потребовать автоматического пересмотра его дела через более короткие промежутки времени (см. дело Галуашвили, упомянутое выше). Таким образом, жалоба Заявителя, скорее, является вопросом национального уголовно-процессуального законодательства в целом, а не конкретного применения этого законодательства в определённых обстоятельствах его дела (см. дело Пацурии, упомянутое выше, § 57).

87. Отсюда следует вывод, что эта жалоба не является аргументированной и должна быть отклонена, как явно необоснованная, в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

2. Судебные пересмотры от 2 и 8 апреля 2004 г.

88. Суд отмечает, что жалоба Заявителя на процессуальную несправедливость судебных пересмотров от 2 и 8 апреля 2004 г. основана исключительно на предполагаемой несостоятельности причин, приведённых в итоговых решениях суда. Однако этот вопрос уже был всесторонне рассмотрен Судом в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции, который представляет собой *lex specialis* в этом отношении (см. пункты 72-80 выше). Суд не усматривает в материалах дела никаких дополнительных обстоятельств, которые могли бы поставить под сомнение процессуальные гарантии, касающиеся судебного пересмотра предварительного заключения Заявителя. Во всяком случае, сам Заявитель не указывал на таковые (ср. Данов против Болгарии (*Danov v. Bulgaria*), № 56796/00, § 93, 26 октября 2006 г.).

89. Отсюда следует, что жалоба, оспаривающая судебные пересмотры 2 и 8 апреля 2004 г., является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

3. Судебный пересмотр от 24 января 2005 г.

90. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной с точки зрения пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что нет и других оснований, по которым она была бы неприемлемой, и поэтому должна быть объявлена приемлемой.

В. Существо жалобы

91. Суд напоминает о том, что пункт 4 статьи 5 Конвенции даёт заключённому под стражу право на судебное разбирательство, касающееся процессуальных и правовых условий, необходимых для обеспечения «законности» лишения свободы с точки зрения Конвенции (см. среди многих других источников Броган и другие против Соединенного Королевства (*Brogan and Others v. the United Kingdom*), постановление от 29 ноября 1988 г., серия А, № 145-В, стр. 34-35, § 65). Процесс должен носить состязательный характер, и между его сторонами должен всегда соблюдаться принцип «равенства сторон». В случае же, если заключение под стражу подпадает под действие пункта 1 (с) статьи 5, то требуется проведение судебного слушания (см. среди прочих источников Николова против Болгарии (*Nikolova v. Bulgaria*), (БП), № 31195/96, § 58, ЕСПЧ 1999-II).

92. Согласно пункту 4 статьи 5 Конвенции компетентный суд должен рассмотреть не только то, соответствует ли содержание под стражей требованиям национального законодательства, но также обоснованность подозрений, на основании которых было произведено задержание, и законность цели, которую преследовали арест и заключение под стражу (см. Броган и другие, упомянутое выше, стр. 34-35, § 65). Если для разрешения таких вопросов существует второй уровень юрисдикции, то должны быть предоставлены те же гарантии (см. Наварра против

Франции (*Navarra v. France*), постановление от 23 ноября 1993 г., серия А, № 273-В, § 28; Тот против Австрии (*Toth v. Austria*), постановление от 12 декабря 1991 г., серия А, № 224, § 84).

93. Обращаясь к проблеме в данном случае – отсутствию устного слушания в ходе судебного пересмотра 24 января 2005 г. – Суд заключает, что в данных обстоятельствах это является отходом от принципов состязательности процесса и равенства сторон. Примечательно, что в соответствии с пунктами 2 и 3 статьи 417 УПК компетентный суд, заседая *in camera*, рассмотрел дело Заявителя и санкционировал его дальнейшее содержание под стражей без устного слушания. Получив обвинительное заключение от прокурора, а также изложение его позиции по вопросу дальнейшего пребывания Заявителя под стражей (пункт 2 статьи 410 и статья 412 УПК), Суд рассмотрел и подтвердил как обоснованность подозрений в том, что Заявитель совершил преступление, так и его дальнейшее содержание под стражей, не запросив письменных замечаний Заявителя по этим вопросам. В действительности статья 417 УПК не содержала предусмотренного законом обязательства по обмену письменными заявлениями между сторонами на этом этапе разбирательств.

94. Таким образом, особенность национального законодательства и судебной практики состояла в том, что следственные органы на этапе принятия решения обладали привилегией обращаться к суду с доводами, касающимися вопроса содержания под стражей, а Заявитель не имел возможности оспорить их ни в устной, ни в письменной форме. Таким образом, судебный пересмотр 24 января 2005 г. не носил состязательного характера. В такой же степени оказался подорванным и принцип равенства сторон (см. дело Илийкова, упомянутое выше, § 104; G.K., упомянутое выше, § 93; Кафки, упомянутое выше, § 60; Тшаска против Польши (*Trzaska v. Poland*), № 25792/94, § 78, 11 июля 2000 г.; Фодале против Италии (*Fodale v. Italy*), № 70148/01, § 43, ЕСПЧ 2006-VII; Ошват против Венгрии (*Osváth v. Hungary*), № 20723/02, § 18, 5 июля 2005 г.).

95. Наконец, Суд считает, что даже оформление решения – на типовом бланке с предварительно напечатанной резолютивной частью решения – свидетельствует о том, что судебный пересмотр предварительного заключения Заявителя не был выполнен надлежащим образом (см. Белевицкий против России (*Belevitskiy v. Russia*), № 72967/01, § 111, 1 марта 2007 г.).

96. В свете вышеизложенного Суд пришёл к выводу, что судебный пересмотр 24 января 2005 г. не удовлетворял требованиям пункта 4 статьи 5 Конвенции.

97. Таким образом, имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

IV. Предполагаемое нарушение статьи 8 Конвенции

98. Опираясь на содержание статьи 8 Конвенции, Заявитель утверждал, что его фотография была незаконно вывешена в отделениях полиции как лица, находившегося в розыске за совершение убийства. В соответствующей части статьи 8 говорится следующее:

«1. Каждый имеет право на уважение своей личной... жизни...

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе... в целях предотвращения беспорядков или преступлений...».

А. Приемлемость

1. Доводы Правительства

99. Правительство заявило, что фотографии Заявителя были вывешены в отделениях полиции в качестве следственной меры. Соответственно, Заявителю следовало оспорить её по статье 6(2) Закона об оперативных следственных мероприятиях от 30 апреля 1999 г. в вышестоящей инстанции, прокуратуре или суде.

100. Правительство далее утверждало, что, вместо того чтобы добиваться возбуждения уголовного дела в отношении «конкретных лиц», Заявителю следовало обратиться с формальным требованием о снятии своих фотографий с упомянутых досок.

101. По мнению Правительства, 4 февраля 2004 г. районный суд Ваке-Сабуртало ответил правомерным отказом адвокатам Заявителя, обратившимся с заявлением о возбуждении дела о клевете от его имени. Несмотря на то, что статья 71 УПК устанавливала в качестве общего положения право адвоката представлять интересы потерпевшего в полном объёме, пункт 1 статьи 627 являлся *lex specialis* в вопросах преследования в порядке частного обвинения, где уточнялось, что только потерпевший лично или его/её законный представитель могли подать такое заявление (пункт 42 выше). Правительство также упрекнуло Заявителя в том, что он не предпринял попытку оспорить решение от 4 февраля 2004 г. в апелляционном суде.

102. Наконец, Правительство утверждало, что, если Заявитель был недоволен решением районной прокуратуры Ваке-Сабуртало о направлении дела в МВД для проведения дисциплинарного расследования, ему следовало обжаловать это в прокуратуре более высокого уровня по статье 234 УПК (пункт 37 выше). В соответствии с пунктом 1 статьи 236 УПК (пункт 38 выше) Заявитель имел право обратиться с такой жалобой на протяжении всего периода предварительного расследования. С точки зрения Правительства, тот же самый довод о неисчерпани национальных средств судебной защиты был справедлив и в отношении второго заявления о возбуждении уголовного дела, поданного Заявителем в ГП в апреле 2004 г. (пункт 16 выше). По мнению Правительства, районная прокуратура Ваке-Сабуртало изучила это заявление

должным образом и, не обнаружив никаких признаков преступного злоупотребления своими полномочиями со стороны должностных лиц, приняла решение о передаче дела в органы МВД для проведения дисциплинарной процедуры. Правительство не представило копии этих решений (см. пункт 16 выше).

103. Опираясь на вышеупомянутые доводы, Правительство полагало, что жалоба Заявителя по статье 8 Конвенции должна быть отклонена, так как не были исчерпаны все национальные средства судебной защиты.

2. Доводы Заявителя

104. Ссылаясь на существенные обстоятельства дела (см. пункты 7-13 выше), Заявитель опроверг утверждение Правительства о том, что он не обращался с официальным запросом о снятии его фотографий в отделениях полиции. Напротив, его первой и главной целью было исправление этой ситуации. Только после того, как фотографии были сняты, он потребовал наказания тех, кто был за это ответственен.

105. Как указывалось в материалах Заявителя, он не возражал против отказа районного суда Ваке-Сабуртало возбудить дело о клевете. Тем не менее, Заявитель полагал (с учетом инструкции, выданной одним и тем же судом), что соответствующие следственные органы проведут расследование возможных злоупотреблений властью, совершенных её представителями. Однако ни органы прокуратуры, ни МВД не выполнили свои следственные обязанности должным образом. Прокуратура направила дело Заявителя в органы МВД с целью проведения дисциплинарной процедуры, но ответа от них так и не последовало (см. пункт 15 выше).

106. Что касается довода о том, что он не оспорил решение прокуратуры Ваке-Сабуртало передать его вторую жалобу в МВД с целью возбуждения дисциплинарного производства (пункты 16 и 102 выше), Заявитель ответил, что он впервые узнал об этой передаче из представленных Правительством материалов. Не получив копию вышеупомянутого решения и не ознакомившись с приведёнными причинами, он, естественно, не мог подать апелляцию.

107. Заявитель утверждал, что он прибегнул ко всем доступным национальным средствам правовой защиты, чтобы привлечь виновных к ответственности и наказать их. Однако компетентные органы оставили его жалобы без должного внимания, направляя их из одного учреждения в другое.

3. Оценка Суда

108. Суд напоминает, что правило исчерпания национальных средств судебной защиты, закреплённое в пункте 1 статьи 35 Конвенции, обязывает заявителей сначала использовать средства защиты, которые обычно доступны и достаточны в национальной правовой системе и позволяют им восстановить свои права, нарушенные в результате предполагаемого несоответствия Конвенции. Наличие таких средств должно быть достаточно определённым как на

практике, так и в теории, поскольку в противном случае они теряют необходимую доступность и эффективность. В пункте 1 статьи 35 также содержится требование о том, чтобы жалобы, передаваемые впоследствии в суд, подавались в надлежащий национальный орган в соответствии с формальными требованиями, изложенными в национальном законодательстве; но это не означает, что должен иметься доступ к неадекватным или неэффективным средствам судебной защиты (см. *Аксой против Турции (Aksoy v. Turkey)*, постановление от 18 декабря 1996 г., Отчёты 1996-VI, стр. 2275-2276, §§ 51-52; *Акдивар и другие против Турции (Akdivar and Others v. Turkey)*, постановление от 16 сентября 1996 г., Отчёты 1996-IV, стр. 1210, §§ 65-67; *Шарли против Турции (Şarli v. Turkey)*, № 24490/94, § 59, 22 мая 2001 г.).

109. Суд обращает внимание, что применение правила об исчерпании национальных средств судебной защиты должно осуществляться с пониманием того, что это делается в контексте применения механизмов защиты прав человека, на создание которых Договаривающиеся государства дали своё согласие. Соответственно, Суд признаёт, что пункт 1 статьи 35 должен применяться с некоторой гибкостью и без чрезмерного формализма. Суд также подчёркивает, что правило об исчерпании не является абсолютным и не подразумевает его автоматического применения. Для того чтобы проверить, было ли соблюдено данное положение, необходимо изучить обстоятельства конкретного дела. Это означает, в частности, что Суд должен учитывать не только наличие формальных средств судебной защиты в правовой системе соответствующего государства (Договаривающейся стороны в рамках Конвенции), но также и общий контекст, в котором они действуют, равно как и личные обстоятельства заявителя. Затем Суд обязан убедиться, учитывая все обстоятельства дела, сделал ли заявитель всё, что было можно (в разумных пределах), для исчерпания национальных средств судебной защиты (см. вышеупомянутые постановления в деле *Акдивара*, § 69; *Аксоя*, §§ 53 и 54 и *Шарли*, § 60).

110. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд считает неубедительным довод Правительства о том, что Заявитель в соответствии со статьёй 6 (2) Закона об оперативно-следственных мероприятиях никогда не обращался с жалобой на то, что полиция разместила его фотографии. На самом деле Заявитель несколько раз подавал такие жалобы во все инстанции, упоминающиеся в этом положении: в министерство внутренних дел (иерархически вышестоящую инстанцию), в прокуратуру и в суд. Даже если принять во внимание, что в своих жалобах Заявитель не ссылаясь непосредственно на статью 6 (2) упомянутого закона, такая формальность не может оказаться важнее того обстоятельства, что он сообщил о своих претензиях всем компетентным инстанциям. Равно необоснованным является утверждение Правительства о том, что Заявитель никогда не стремился к тому, чтобы его фотографии были сняты, а лишь добивался того, чтобы «определённые лица» понесли уголовную ответственность за их размещение. Обстоятельства дела явно говорят об обратном (см. пункт 9 выше).

111. Суд не считает необходимым рассматривать обоснованность мотивов принятия районным судом Ваке-Сабуртало решения от 4 февраля 2004 г. об отклонении заявления о клевете, так как в действительности это решение не было обжаловано (см. пункт 13 выше). Однако Суд считает значимым тот факт, что сам Заявитель, по-видимому, отказался от мысли о преследовании своих оппонентов в рамках процесса о клевете и решил вместо этого добиваться сначала уголовных разбирательств в отношении преступлений, которые предположительно совершили государственные служащие при исполнении своих служебных обязанностей, что, как вариант развития событий, предложил районный суд (см. пункты 12 и 105 выше). Ввиду этого следует подчеркнуть, что, когда существует несколько потенциально действенных средств судебной

защиты, имеющих, по сути, одинаковую нацеленность, достаточно того, чтобы Заявитель прибегнул только к одному из них (см. *Морейра Барбоса против Португалии (Moreira Barbosa v. Portugal)*, (реш.), № 65681/01, ЕСПЧ 2004 г.-V; *Йеличич против Боснии и Герцеговины (Jeličić v. Bosnia и Herzegovina)*, (реш.), № 41183/02, ЕСПЧ 2005-XII).

112. В отношении довода Правительства о том, что Заявителю следовало оспорить решения районного прокурора Ваке-Сабуртало о передаче его дела в органы МВД в вышестоящей прокуратуре, Суд напоминает о том, что обычно «иерархические» средства судебной защиты нельзя рассматривать как действенные, поскольку истцы не имеют возможности участвовать в таких разбирательствах (см. *Хорват против Хорватии (Horvat v. Croatia)*, № 51585/99, § 47, ЕСПЧ 2001-VIII; *Хартман против Чешской Республики (Hartman v. Czech Republic)*, № 53341/99, § 66, ЕСПЧ 2003 г.-VIII). К тому же, как следует из материалов дела и как утверждал Заявитель, а Правительство не оспаривало, Заявитель не получал копии оспоренных решений (см. пункты 15 и 105 выше). Следовательно, его нельзя критиковать за то, что он их не обжаловал (см. упомянутое выше дело *Рамишвили и Кохреидзе (Ramishvili and Kokhreidze)*, (реш.); *Читаев и Читаев против России (Chitayev and Chitayev v. Russia)*, № 59334/00, §§ 139 и 140, 18 января 2007 г.).

113. К тому же Суд находит неубедительным упрек Правительства в том, что Заявитель не оспорил решение районного прокурора Ваке-Сабуртало в отношении своего второго заявления с требованием возбудить уголовное дело по клевете (см. пункты 16 и 102 выше), учитывая, что Заявитель узнал об этом решении только из замечаний Правительства по вопросу приемлемости и существу дела, поданных в Суд.

114. Вопреки законным ожиданиям Заявителя, основанным на рекомендации районного суда Ваке-Сабуртало о проведении расследования, прокуратура, вместо проведения быстрого и беспристрастного рассмотрения этого инцидента с тем, чтобы установить наличие или отсутствие в нём признаков преступного злоупотребления властью, передала дело в ведение МВД, которое несёт непосредственную ответственность за действия полиции, в отделениях которой и были вывешены фотографии Заявителя. В таких обстоятельствах никакое внутреннее расследование, проведённое органами внутренних дел, не могло быть расценено как непредвзятое или эффективное (ср. *Барбу Ангелеску против Румынии (Barbu Anghelescu v. Romania)*, № 46430/99, § 66, 5 октября 2004 г.; *Эрги против Турции (Ergi v. Turkey)*, постановление от 28 июля 1998 г., Отчёты 1998-IV, §§ 83-84). Поскольку компетентные органы никак не реагировали на серьёзные обвинения в служебных нарушениях и ущемлении Заявителя в адрес государственных служащих (см. пункт 9 выше), Заявитель имел основания полагать, что новые заявления будут бесполезными (см. *Селмуни против Франции (Selmouni v. France)*, (БП), № 25803/94, § 76, ЕСПЧ 1999-V).

115. Соответственно, учитывая то обстоятельство, что Заявитель в полном объёме информировал вышестоящие органы прокуратуры и суда о своих претензиях в отношении незаконно вывешенных фотографий, Суд считает, что это избавляло его от необходимости методично соблюдать другие формальности, о которых упоминало Правительство. В обстоятельствах настоящего дела Суд полагает, что Заявитель сделал всё, что можно было сделать (в разумных пределах), для защиты своих прав (см. дело *Рамишвили и Кохреидзе*, (реш.), упомянутое выше; дело *Белевицкого*, упомянутое выше, § 71; дело *Акдивар и другие*, упомянутое выше, § 69).

116. В свете вышеизложенного Суд отклоняет возражение Правительства о неисчерпании национальных средств судебной защиты.

117. Суд далее отмечает, что жалоба по статье 8 Конвенции не является явно необоснованной с точки зрения пункта 3 статьи 35 Конвенции. Не было установлено никаких других оснований для объявления её неприемлемой, поэтому она должна быть объявлена приемлемой.

В. Существо жалобы

1. Аргументы сторон

118. Правительство не оспаривало тот факт, что размещение полицией фотографий Заявителя являлось вмешательством с точки зрения статьи 8 Конвенции. Однако это вмешательство было оправдано, так как было предпринято в качестве «оперативно-следственной меры». Правительство полагало, что поскольку фотографии Заявителя не были опубликованы в СМИ, то вмешательство носило ограниченный характер и не могло рассматриваться как нарушение. Далее оно привело довод о том, что компетентные органы надлежащим образом провели расследование по установлению лиц, причастных к оспоренным действиям. Правительство сочло недостоверным утверждение Заявителя о том, что его фотографии были сняты после газетной публикации от 9 февраля 2004 г. В действительности, как они утверждали, фотографии были сняты после того, как власти признали свою «ошибку».

119. Заявитель ответил, что главной причиной нарушения статьи 8 Конвенции стало вмешательство, носившее незаконный характер. По уголовно-процессуальному законодательству обязательным условием для объявления человека в розыск следственными органами является возбуждение уголовного дела, в котором этот человек находится под подозрением или ему предъявлено обвинение в совершении преступления (пункт 42 выше). В настоящем деле, однако, власти представили Заявителя как человека, совершившего убийство, вывесив его фотографии в отделениях полиции на досках разыскивавшихся лиц, так и не возбудив уголовного дела. Соответственно, Заявитель был незаконно и клеветнически выставлен в глазах общественности как совершивший тяжкое преступление.

120. В ответ на довод Правительства о том, что вмешательство носило ограниченный характер, Заявитель отметил, что полиция распространила его фотографии не только для внутреннего пользования. Напротив, его фотографии были намеренно вывешены на самом видном месте в нескольких отделениях полиции в разных частях страны, с тем чтобы как можно большая часть населения смогла увидеть их. Заявитель также утверждал, что власти не расследовали его жалобы достаточно эффективно. Ответственные за это представители государства так и не были названы и наказаны.

2. Оценка Суда

121. Суд напоминает, что понятие частной жизни включает элементы, относящиеся к праву человека на своё изображение, и что публикация фотографии без согласия её владельца, даже если это действие не преследует никакой конкретной цели, представляет собой вмешательство по статье 8 Конвенции (см. Гургенидзе против Грузии (*Gurgenidze v. Georgia*), № 71678/01, §§ 56-57, 17 октября 2006 г.; Фон Ганновер против Германии (*Von Hannover v. Germany*), № 59320/00, §§ 50-53, ЕСПЧ 2004 г.-VI; Шьякка против Италии (*Sciacca v. Italy*), № 50774/99, § 29, ЕСПЧ 2005-I).

122. В настоящем деле фотография Заявителя не была опубликована в газете или распространена через другие СМИ. Однако нельзя отрицать, что, разместив её в общественных местах в нескольких отделениях полиции в разных частях страны, власти намеренно сделали эти фотографии легко доступными населению в целом. К тому же объектом внимания в данном случае является не только обнародование изображения Заявителя как таковое, но также и манера, в которой это было сделано, и цели, которые преследовались. Объявив Заявителя в розыск в связи с делом об убийстве, власти, по сути, публично указали на его причастность к тяжкому преступлению. Это явилось утверждением о факте с точки зрения статьи 10 Конвенции, которое, поскольку оно не соответствовало действительности – Заявителю никогда не предъявляли официального обвинения в совершении убийства и против него никогда не выдвигалось такое подозрение – являлось порочащим (см. Вайт против Швеции (*White v. Sweden*), № 42435/02, § 24, 19 сентября 2006; Пфайфер против Австрии (*Pfeifer v. Austria*), № 12556/03, § 46-47, ЕСПЧ 2007-...). Следует отметить, что Правительство признало «ошибку», совершённую государственными органами (пункт 118 выше). Соответственно, был нанесён неспровоцированный ущерб репутации Заявителя, которая является частью его социальной личности и психологической целостности и потому относится к сфере его частной жизни, как она понимается в соответствии со статьёй 8 Конвенции (см. дело Пфайфер, упомянутое выше, §§ 35 и 46-49; Шови и другие против Франции (*Chauvy and Others v. France*), № 64915/01, § 70, ЕСПЧ 2004 г.-VI; Гуннарссон против Исландии (*Gunnarsson v. Iceland*), (реш.), № 4591/04, 20 октября 2004 г.).

123. Настоящее дело отличается от большинства предыдущих дел, связанных с использованием фотографии публичной персоны, которые рассмотрел Суд (см. дело Фон Ганновер, упомянутое выше, § 50; Шюссель против Австрии (*Schüssel v. Austria*), (реш.), № 42409/98, 21 февраля 2002 г.). В то время Заявитель даже не подвергался уголовному преследованию. Его статус «обычного человека» исключал всякую возможность посягательства на сферу его частной жизни в попытке достижения какой-либо законной цели, закреплённой в Конвенции (см. дело Гургенидзе, упомянутое выше, §§ 56-58 и 60-61; Шьякка, упомянутое выше, § 29 и – а contrario – Кракси против Италии (*Craxi v. Italy* (№ 2)), № 25337/94, § 65, 17 июля 2003 г.; Пфайфер, упомянутое выше, §§ 43-44).

124. Таким образом, вмешательство в «частную жизнь» Заявителя следует рассматривать в соответствии со вторым пунктом статьи 8 Конвенции на предмет: а) его соответствия критерию «законности», б) наличия законной цели и в) «необходимости в демократическом обществе» (см. дело Шьякка, упомянутое выше, § 28).

125. Несмотря на то, что толкование и применение соответствующих национальных норм должно осуществляться национальными властями, в частности, судами (см. Круслен против Франции (*Kruslin v. France*), постановление от 24 апреля 1990 г., серия А № 176-А, стр. 21-22, § 29; Аманны

против Швейцарии (*Amann v. Switzerland*), (БП), № 27798/95, § 52, ЕСПЧ 2000-II), Суд обладает определёнными полномочиями по осуществлению надзора в отношении принятого решения (см. *Кракси (№2)*, упомянутое выше, § 78). Это особенно важно, когда, как в данном деле, национальные власти не уделили должного внимания соответствию оспоренного вмешательства ни национальному законодательству, ни стандартам Конвенции (см. *mutatis mutandis* дело *Гургенидзе*, упомянутое выше, § 62).

126. Как было признано компетентными национальными властями и подтверждено Правительством-ответчиком, размещение фотографий Заявителя на досках разыскивавшихся лиц являлось «оперативно-следственной мерой», нацеленной на обеспечение явки Заявителя в органы прокуратуры для дачи показаний в качестве свидетеля по делу об убийстве (см. пункты 9 и 118 выше). Однако в соответствии со статьёй 393 и 606 (1) УПК быть объявленным в розыск может только обвиняемый или признанный виновным человек, уклоняющийся от следствия, присутствия на судебном слушании или исполнения приговора суда. Далее, как сказано в статье 8 (2) «Закона об оперативных следственных мероприятиях», перед принятием любой конкретной меры, направленной на установление местонахождения скрывающегося обвиняемого или признанного виновным лица, следственным или судебным органом должно быть официально принято соответствующее решение.

127. В статьях 93 и 94 УПК (пункты 33-34 выше), определяющих статус, права и обязанности свидетеля, не предусматривается возможность объявления свидетеля в розыск в связи с уголовным делом. Если свидетель отказывается явиться в следственный орган добровольно, суд имеет право распорядиться о его обязательной явке. Однако роль полиции в случае неспособности установить местонахождение этого свидетеля была ограничена возвращением предписания о явке как «неисполненного». Национальное законодательство никогда не предусматривало никакой другой меры по поиску свидетеля.

128. В настоящем деле Заявитель не был ни обвиняемым, ни подозреваемым в деле об убийстве и, соответственно, не мог рассматриваться как находившийся в розыске. В материалах дела также отсутствуют упоминания о распоряжении суда, которое, в соответствии со статьёй 176 УПК, обязывало бы Заявителя явиться в следственный орган в качестве свидетеля. Правительство-ответчик не сослалось ни на одно положение национального законодательства или какое-либо решение национальных властей, которое могло бы служить правовым основанием публичного распространения фотографий Заявителя и вменения ему в вину совершения убийства. В таких обстоятельствах вмешательство нельзя расценивать как «предписанное законом» с точки зрения пункта 2 статьи 8 Конвенции.

129. Суд напоминает, что в ситуациях, когда демонстрируются доказательства того, что вмешательство не было «предусмотрено законом», нарушение статьи 8 Конвенции обычно признается нарушением независимо от того, преследовало ли вмешательство «законную цель» и было ли оно «необходимо в демократическом обществе» (см. дело *Шьякка*, упомянутое выше, § 30; *Кракси (№2)*, упомянутое выше, § 84; *Добрев против Болгарии (Dobrev v. Bulgaria)*, № 55389/00, § 165, 10 августа 2006 г.).

130. Суд, как правило, лишь указывает на то, что, поскольку имеют место случаи раскрытия обстоятельств частного характера в нарушение статьи 8 Конвенции, позитивное обязательство государства-стороны Конвенции, вытекающее из необходимости обеспечить уважение частной жизни, предполагает проведение серьёзного расследования для максимально возможного прояснения обстоятельств дела (см. дело Шьякка, упомянутое выше, §§ 74-75). В данном случае этого сделано не было. Власти не выполнили своё обязательство дать приемлемое объяснение вмешательства в частную жизнь Заявителя. К тому же, несмотря на признание Правительством-ответчиком «ошибки» перед Судом, компетентные национальные власти никогда не считали государственных служащих ответственными за совершённое нарушение и не применяли против них никаких санкций (см. пункт 114 выше).

131. Учитывая соображения выше, Суд заключает, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

V. Другие предполагаемые нарушения Конвенции

132. Заявитель сослался на пункты 1 и 3 статьи 6 Конвенции без уточнения существа своих жалоб.

133. Предполагая, что Заявитель намеревался оспорить уголовные разбирательства, Суд отмечает, что согласно информации, доведённой до Суда сторонами в материалах дела, эти разбирательства ещё не закончены (см. пункт 29 выше). Кроме того, Заявитель не уточнил и не обосновал свои жалобы, в результате чего Суд отклонил их как явно необоснованные в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

VI. Применение статьи 41 Конвенции

134. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

1. Материальный ущерб

135. Заявитель потребовал 2 000 евро в качестве возмещения материального ущерба. Это, предположительно, было в среднем той суммой, которую он мог бы получить от приносящей доход деятельности в течение периода его незаконного задержания.

136. Правительство заявило, что отсутствует причинно-следственная связь между ущербом и предполагаемым нарушением, поскольку Заявитель был безработным перед своим задержанием.

137. Суд не усматривает какой-либо причинно-следственной связи между вскрытыми нарушениями и предполагаемым материальным ущербом и по этой причине отклоняет это требование.

2. Моральный вред

138. Заявитель потребовал 70 000 евро в качестве возмещения морального вреда вследствие бедственного положения и неприятностей из-за нарушения его права, гарантированного Конвенцией.

139. Правительство оспорило затребованную сумму как чрезмерно завышенную.

140. Суд не сомневается в том, что Заявитель перенёс душевные страдания в связи с нарушениями своих различных прав по статьям 5 и 8 Конвенции. Понесённый в связи с этим моральный вред не может быть адекватно компенсирован одним лишь признанием факта о нарушении этих прав (см., например, *Сташайтис против Литвы (Stašaitis v. Lithuania)*, № 47679/99, § 99, 21 марта 2002 г.; *Ассанидзе против Грузии (Assanidze v. Georgia)*, (БП), № 71503/01, §§ 199-201, ЕСПЧ 2004 г.-II; дело *Пацурии*, упомянутое выше, § 99; *М.В. против Польши (M.V. v. Poland)*, № 34091/96, §§ 71 и 72, 27 апреля 2004 г.; дело *Гургенидзе*, упомянутое выше, § 76). Проведя оценку на справедливой основе, Суд назначает Заявителю 8 000 евро.

В. Судебные расходы и издержки

141. Представитель Заявителя потребовал 10 500 евро на покрытие судебных издержек, которые Заявитель предположительно понёс в национальных судах и в Европейском суде. Представитель заявила, что она потратила 113 часов, работая в рамках национальных разбирательств и 90 часов в рамках процесса в Суде, при ставке в 50 евро в час в обоих случаях. Не было представлено

никаких счетов-фактур, контрактов или других документов в подтверждение вышеприведённого требования.

142. Правительство ответило, что эта сумма была чрезмерной.

143. В соответствии с практикой Суда заявитель имеет право на возмещение своих судебных издержек только в той степени, в какой они действительно были понесены, являясь необходимыми и разумными по размеру. В настоящем деле, учитывая отсутствие каких-либо правовых или финансовых документов в поддержку этого требования, Суд отклоняет его.

С. Процентная ставка

144. Европейский суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. Объявляет неприемлемыми жалобы Заявителя по пункту 4 статьи 5 Конвенции относительно отсутствия автоматического пересмотра предварительного заключения Заявителя и предполагаемой несправедливости судебных пересмотров 2 и 8 апреля 2004 г., а также его жалобы по пунктам 1 и 3 статьи 6 Конвенции.

2. Объявляет приемлемой оставшуюся часть жалобы.

3. Постановляет, что имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с арестом Заявителя в обстоятельствах, ущемлявших его право на личную неприкосновенность.

4. Постановляет, что имело место нарушение пункта 1 (с) статьи 5 Конвенции по причине отсутствия судебной санкции о предварительном заключении Заявителя на определённые периоды времени.

5. Постановляет, что имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции по причине отсутствия достаточных причин предварительного заключения Заявителя.

6. Постановляет, что имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции по причине отсутствия устного слушания в ходе судебного пересмотра 24 января 2005 г.

7. Постановляет, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции в связи публичным размещением фотографий Заявителя в различных отделениях полиции в качестве находившегося в розыске лица.

8. Постановляет, что:

а) Государство-ответчик обязано выплатить Заявителю в течение трёх месяцев 8 000 (восемь тысяч евро) в качестве компенсации морального ущерба в пересчёте на национальную валюту по курсу, действующему на момент расчёта с добавлением суммы любого налога, которым может облагаться вышеуказанная сумма;

б) с момента истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента.

9. Отклоняет оставшуюся часть жалобы Заявителя с требованием о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке и представлено в письменной форме 13 января 2009 г. в соответствии с §§ 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Салли Долле,
секретарь Секции Суда

Франсуаза Тулкенс,
председатель